

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный
университет»
(ФГБОУ ВО «ИГУ»)
**ПРОРЕКТОР ПО НАУЧНОЙ
РАБОТЕ И МЕЖДУНАРОДНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

К. Маркса ул., д.1, г. Иркутск, 664003
Тел.: (3952) 521-902, факс: (3952)
20-13-07. ОКПО 02068226, ОГРН
1033801008218, ИНН/КПП
3808013278/380801001
www.isu.ru, e-mail: prorectornir@isu.ru

Утверждаю:

Проректор по научной работе и
Международной деятельности, доктор
социологических наук, доцент
К. В. Григоричев

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Иркутский государственный университет» на диссертацию
**Михайленко Елизаветы Ивановны «Управленческая элита Западно-Сибирского и
Степного генерал-губернаторств: механизмы и практики построения общественно-
государственного диалога (вторая половина XIX – начало XX вв.)»**, представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
5.6.1.– отечественная история

История взаимоотношений государства и общества, властных и общественных структур – тема, имеющая в прошлом и настоящем России особое звучание. В стране, где государство уже со второй половины XVI в. формировалось как «самодержавное», определяющее не только экономическое и политическое развитие страны, но и контролирующее любое значимое социальное и культурное движение, самостоятельное

существование общества было просто невозможным. В этой ситуации то же государство по отношению к социуму брало на себя и функции контроля, и, как это не странно выглядит на первый взгляд, и организатора его развития – именно отсюда создание всевозможных патронатов, комитетов содействия, фондов помощи, выполнявших посредническую роль в диалоге с властью. Эти процессы получили особое значение на окраинах Российской империи во второй половине XIX в., в том числе и в Сибири, и являются до сих пор слабо изученным исследовательским полем. В этом смысле диссертация Е.И. Михайленко вносит свой вклад в дальнейшее изучение данной проблематики, и в этом мы видим ее актуальность и своевременность.

Диссертация Е.И. Михайленко имеет классическую структуру и состоит из введения, трех глав, разбитых на шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Все главы и параграфы выстроены по проблемно-хронологическому принципу, а их объем и содержание отличаются необходимой соразмерностью.

Во введении автором обоснована актуальность исследования, сделан историографический и источниковедческий обзор литературы и документальных материалов, сформулированы цель и задачи диссертации, обозначены положения, выносимые на защиту. Здесь же автор подчеркнул и своё, особое отношение к высшим сибирским чиновникам как к профессиональному сообществу, «смысл деятельности которого в построении диалога, в инициировании и создании площадок коммуникации с обществом» [С. 41]. Отметим, что это действительно новый взгляд на служебные обязанности управленческой элиты изучаемого края.

Несомненно удачным выглядит и выбор методологического инструментария: автор отходит от традиционного обоснования какой-либо из теорий исторического развития, например, модернизационной, встречающейся часто и почти дежурно в подобного рода работах, и выбирает несколько различных научных подходов, наиболее приемлемых для раскрытия предмета исследования. Так, в качестве базовой концепции Е. И. Михайленко применяет положения учения М. Вебера и М. Фуко о «рациональной бюрократии» и взаимосвязи власти и знания, когда знание выступает технологией установления власти. При этом институциональный и региональный подходы позволяют автору рассматривать управленческую элиту как часть формального института управления, а общественные

организации – как неформальные институты данного региона. Кроме этого одним из важнейших в исследовании является антропологический подход, а также принципы историзма и системности. [С. 26–29]. Такое сочетание научных парадигм свидетельствует с одной стороны о хорошем теоретическом уровне автора, а также о междисциплинарном характере исследования, с другой, что следует только приветствовать.

Первая глава диссертации посвящена изучению нормативно-правового положения управленческой элиты Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств. Прежде всего Е. И. Михайленко определяет состав высших чиновников, совершенно справедливо выделяя в нем два уровня и включая в главный уровень генерал-губернаторов и советников ГУЗС, а в губернский уровень – губернатора, вице-губернатора (председателя губернского/областного правления), советников председателя губернского (областного) правления, а также чиновников особых поручений [С. 52].

Автор анализирует довольно значительное количество законодательных актов, среди которых отдельные положения «Сибирского учреждения» 1822 года М. М. Сперанского, «Общая инструкция генерал-губернаторам» от 29 мая 1853 г., специальные нормативно-правовые документы по управлению степными областями 1868 и 1891 гг. и другие. Изучение настоящих материалов приводит Е. И. Михайленко к подкрепленному многочисленными примерами выводу о том, что деятельность высших чиновников по управлению регионом была всегда затруднена «низким уровнем разграничения» их полномочий. При этом необходимость решения нормативных и практических задач управления окраинным регионом предопределяла и их «обращение к «неправящей» элите», состоявшей из «образованных представителей общества», и обладавших «экспертностью в отдельных аспектах жизнедеятельности местного населения», а также научного изучения края [С. 45]. Впрочем, можно добавить, что и функции официального надзора за «неблагонадежной» частью общества у высшей бюрократии присутствовали всегда.

Во втором параграфе главы Е. И. Михайленко весьма подробно анализирует «механизмы и практики» деятельности управляющей элиты Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств. Автор совершенно верно выделяет одну из главных составляющих эффективного руководства регионом: в условиях хронического дефицита «грамотных» кадров и громадной удаленности от центра, слабой законодательной проработанности должностных полномочий, особую роль приобретали личные качества

чиновников, умение работать в общем «пространстве сотрудничества» [С. 102]. Большое место автор уделяет здесь и освещению роли чиновников для особых поручений, совершенно правильно подчеркивая их порой «деликатный» круг служебных обязанностей («расследование и дознание, секретных и необычных дел») и личные доверительные отношения с высшей властью [С. 110].

Вторая глава диссертации посвящена установлению социокультурных характеристик чиновников Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств. Для решения этой задачи Е. И. Михайленко удалось проанализировать не менее 160 формулярных списков управленцев, введя полученные сведения о них «в значительной степени впервые в научный оборот» [С. 32]. В целом же автор располагает информацией о 300 чиновниках, проходивших службу в изучаемых генерал-губернаторствах в искомый период. Такой, весьма значительный массив фактических сведений, позволил Е. И. Михайленко сделать несколько хорошо обоснованных научных выводов. Так, например: подавляющее число генерал-губернаторов до своего назначения в регион вообще не были в Сибири, однако отсутствие конкретного опыта компенсировали значительными знаниями, наработанными на прежней, в основном военной, высокопоставленной деятельности. При этом, совершенно справедливо полагает автор, их прежний военный опыт был хорош в деле «сохранения территории и порядка на ней», но скорее препятствовал «планомерному и стратегическому развитию» региона [С. 123].

Анализ имеющегося в распоряжении Е. И. Михайленко документального материала позволил создать и собирательный портрет управленца высшего звена на сибирской окраине. Автор делает это по всем категориям бюрократической элиты. Вот, к примеру чиновник для особых поручений: «человек 37 лет, получивший высшее образование в одном из престижных учебных заведений в Европейской части Российской империи», обладающий опытом гражданской службы, в чине титулярного советника или коллежского асессора, дворянин, с высоким уровнем служебных знаний, «довольно быстро» растущий в чинах, православного вероисповедания, небогатый, живущий на получаемое жалованье, содержащий небольшое семейство, служащий в своей должности «чуть больше 5 лет». Важно при этом, что автор опять же справедливо и обоснованно обращает внимание и на социокультурное значение этой категории чиновников, говоря, что «за счет специальных навыков и высокого интеллектуального потенциала» некоторые из них «являются авторами

трудов, посвященных этнографии, географии и истории окраинных территорий» [С. 147–148].

Следует быть отмеченным положительно и второй параграф данной главы, где Е. И. Михайленко исследует семейства губернаторов обозначенного региона, особое внимание уделяя супругам высших чиновников. «Первые леди», по мысли автора, всегда были частью «публичной жизни» своих мужей, принимая живейшее участие в благотворительности, «сопровождая служебную деятельность супруга», собирая вокруг себя «сообщество» активных единомышленников «для совместной деятельности». При этом они не только участвовали в работе различных обществ, но и создавали новые объединения, «всячески способствуя формированию имиджа супруга» [С. 157]. Автор приводит и массу конкретных сведений, доказывающих «незаурядный» характер некоторых из этих женщин – писательниц, фотографов, путешественниц, стойко переносивших все тяготы дальних инспекторских поездок. Впрочем, надо подчеркнуть, что автор далека от идеализации «первых дам» региона, совершенно правильно указывая, что их общественная деятельность «была не только местом сотрудничества и формирования светской жизни вокруг супругов, но и иногда предметом соперничества» [С. 158].

Третья глава квалификационной работы Е. И. Михайленко посвящена исследованию механизмов и практик построения диалога управленческой элиты Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств с обществом в обозначенный хронологический период. Первый параграф диссертации автор совершенно правильно начинает с уточнения, что она понимает под «общественными организациями» или «обществами». Это «юридически оформленные, легальные объединения людей, направленные на научную, просветительскую, благотворительную и иную некоммерческую и неполитическую деятельность».

При этом автор рассматривает не все общества, а вполне оправданно концентрирует свои усилия лишь на организациях «в области призрения, здравоохранения и народного просвещения», а также на обществах из разряда «науки, литературы и искусства». Автор критически, и опять же обоснованно, относится к объектам своего исследования, указывая, что в отношении некоторых из них следует поставить «под сомнение принцип «добровольности», так как они создавались «сверху», «по инициативе власти и

представляли собой больше «управленческий инструмент», нежели «добровольную ассоциацию» членов общества [С. 182].

Избранные для изучения общественные организации Е. И. Михайленко именуется как «институты», «площадки коммуникации» для взаимодействия государства с «образованной частью общества». Автор определяет два механизма взаимодействия – формальный и инициативный. При этом «степень включенности» чиновника в диалог, по мысли автора, зависела не только от занимаемой служебной должности, но и в не меньшей мере определялась его воспитанием, прежним образованием, кругом общечеловеческих ценностей и интересов. С удовлетворением можно констатировать, что автор, как и во второй главе, не стремится к идеализации «своей» управленческой элиты, полагая, что лишь малую часть чиновников – не более пяти процентов, можно признать «яркими представителями механизма инициативного участия в диалоге» с местным обществом [С. 210].

Последний параграф диссертации называется «Коммуникативные практики управленческой элиты в диалоге власти и общества». Для исследования этого диалога в избранном регионе Е. И. Михайленко выделяет пять «пространств коммуникации»: общественные организации, периодическую печать, органы городского самоуправления, публичные мероприятия (официозные торжества, «балы и приемы»), а также «обращения и воззвания», выразившиеся «в переписке, а не событиях». Отметим хорошо продуманный и обоснованный выбор автора, как и понимание того, что «воссоздать полную картину коммуникации между властью и обществом не представляется возможным» из-за состояния дошедшей до наших дней документальной базы [С. 213].

Подробно проанализировав вышеназванные «пространства», Е. И. Михайленко делает интересные выводы. Диалог власти и общества, считает автор, «мог приводить как к повышению эффективности управления территорией, когда лидер из числа управленческой элиты объединял вокруг себя общественность для решения важного вопроса или проблемы, так и к снижению этой эффективности, когда вступал в разногласия и конфликт». При этом роль управленческой элиты «отражалась не только на «образе власти» у населения и «образе окраины» в столичном обществе, – считает автор, – но и на качестве управления и общественной жизни региона в целом» [С. 235]. Отметим хорошую фактическую обоснованность и объективный характер настоящего суждения.

В Заключении Е. И. Михайленко подводит итоги своего исследования, делает вполне обоснованные выводы, намечает перспективы дальнейшего изучения настоящей темы.

Положительно оценивая диссертационную работу, представляется целесообразным обратить внимание Е. И. Михайленко на несколько замечаний.

Так, на наш взгляд, название диссертации сформулировано несколько неудачно. Речь идет о понятии «общественно-государственный диалог». Гораздо лучше было бы назвать «диалог общества и государства» или, учитывая предмет исследования, наоборот: «диалог государства и общества».

Хронологические рамки исследования, содержащиеся во Введении диссертации, на наш взгляд, излишне конкретизированы: с 1868 по 1904 годы. Понятно, что нижняя граница обусловлена принятием конкретного положения «Об управлении в Уральской, Акмолинской и Семипалатенской областях», а верхняя связана с изменениями государственного строя после Первой русской революции, однако предмет изучения существовал и до этих рамок, а это значит, что мы на него должны смотреть в динамике, развитии, чтобы провести историко-сравнительный анализ, только обогативший бы настоящую диссертацию. Лучше бы хронологические рамки обозначить так, как они прописаны в названии работы: вторая половина XIX – начало XX века.

В историографическом обзоре по предмету исследования Елизавета Ивановна упоминает справочник «Власть в Сибири: XVI – начало XX века». И пусть в это издание включены «статьи об органах власти», как указывает автор, это все-таки справочник, а значит анализ его достоинств или недостатков следует делать при рассмотрении источников [С. 13.].

На наш взгляд, в диссертации Е.И. Михайленко недостаточно освещена роль историков Восточной Сибири в исследовании высшего сибирского чиновничества, и в первую очередь, Л. М. Дамешека и И. Л. Дамешек. Автор во введении буквально одной фразой лишь отмечает их вклад в изучение обсуждаемой проблемы, а в постраничной сноске приводит часть публикаций ученых. Между тем, на наш взгляд, профессор Л. М. Дамешек одним из первых сибирских исследователей, наряду с Н. П. Матхановой и А. В. Ремневым, сумел проанализировать социальную стратификацию генерал-губернаторского и губернаторского корпуса в масштабе всей Сибири конца XIX – начала XX века, и опубликовал по этому вопросу глубоко обоснованные выводы, нарисовав социальный

портрет высшего чиновника задолго до того, как это сделала Е. И. Михайленко. Им же высказано и обосновано фактически положение о том, что генерал-губернатор в Сибири формально возглавлял не только высшую администрацию, но и был, наряду со своей супругой, неформальным главой «местного общества», а также доказан тезис о поголовной вовлеченности губернских чиновников в различные местные благотворительные комитеты и общества. Л. М. Дамешек же создан и собирательный портрет высокопоставленного сибирского администратора.

Тот немногий материал в отношении вклада Л. М. и И. Л. Дамешек в развитие настоящей темы, автор заканчивает следующим предложением: «В их трудах проанализирована эволюция Сибири в системе имперского регионализма». Скорее всего, следует сказать об эволюции не данной территории, а имперского регионализма [С. 13].

Также стоит отметить, что автор не использовал результаты трудов казахстанских исследователей по истории Степного генерал-губернаторства.

Обзор документальных источников, послуживших основой для написания диссертации, Е. И. Михайленко начинает почему-то с анализа делопроизводственной документации, хотя общепринято и более логично, исходя из задач работы, было бы в первую очередь разобрать нормативно-правовые акты, на основании которых имели место быть и выполняли свои обязанности высокопоставленные чиновники Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств. Та же очередность в описании документов сохранена и в Списке использованных источников и литературы [С. 30].

Нельзя не высказать замечания и по структуре диссертации. Так, раскрытию механизмов и практик построения «общественно-государственного диалога» управленческой элиты Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств второй половины XIX – начала XX вв. – теме, и являющейся, собственно, предметом исследования, в работе отведена лишь одна из трех глав объемом в 55 страниц, что, на наш взгляд, представляется недостаточным для ее полноценного освещения.

Следовало бы дать историко-сравнительный анализ поведения управленческой элиты на других окраинах империи, и в первую очередь в Сибири. Если бы автор посчитала необходимым провести сравнение коммуникативных практик высших чиновников, к примеру, губерний Восточной Сибири, диссертационное исследование от этого только бы выиграло.

Главы диссертации не содержат выводов по изложенному в них конкретному исследовательскому материалу, отчего становится до конца не понятным, справилась ли автор с целью и своими задачами, сформулированными во введении работы, или нет.

Таблицы, составляющие Приложение диссертации, содержат лишь так называемые «личные и карьерные характеристики» высших чиновников Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств, однако их участие в «механизмах и практиках построения диалога с обществом», что и является предметом исследования, здесь совершенно не отражено.

Язык диссертации, на наш взгляд, перенасыщен словосочетаниями, которые можно смело отнести к категории научных штампов, зачастую затрудняющих восприятие и текста, и мысль автора. Например: «переломные моменты траектории диалога» [С. 3], «биографии личностей чиновников» [С. 20], «анализ карьерной траектории» [С. 34], «полотно империи» [С. 35], «траектория трансфера и карьеры» [С. 163] и т. д.

Есть в диссертации и досадная ошибка, связанная с обращением к зарубежной историографии. Так, на странице 21 читаем: «В институциональном направлении представляет интерес исследование японского ученого К. Мацузато о генерал-губернаторствах Азиатской России». Действительно, такой исследователь существует, однако на самом деле Мацузато – это его имя, а не фамилия. Фамилия же исследователя, обозначенная инициалом «К» – Кимитака, Кимитака Мацузато – доктор юриспруденции из Токийского университета.

Автореферат диссертации, верно отражающий содержание работы, выполнен все же с заметным перекосом в расположении материала: так 15 страниц из 21 его объема занимает изложение материалов введения, и лишь пять страниц отданы для трех глав и заключения.

Отмеченные замечания снижают хорошее впечатление о проделанной автором серьезной исследовательской работе, однако не меняют положительной оценки диссертации в целом. Достоверность и обоснованность полученных выводов апробирована в восьми публикациях, четыре из которых изданы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией. Работа представляет законченное, самостоятельное научное исследование, стиль,

оформление отвечают требованиям, предъявляемым к подобного рода научным квалификационным произведениям.

Считаю, что диссертация «Управленческая элита Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств: механизмы и практики построения общественно-государственного диалога (вторая половина XIX – начало XX вв.)» соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства № 842 от 24 сентября 2013 г. (в действующей редакции), а ее автор Михайленко Елизавета Ивановна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – отечественная история.

Отзыв подготовлен Ивановым Александром Александровичем, доктором исторических наук (специальность 5.6.5. – историография, источниковедение и методы исторического исследования), профессором, профессором кафедры истории России исторического факультета Иркутского государственного университета.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории России исторического факультета Иркутского государственного университета 5 декабря 2024 г. протокол № 4.

Д.и.н., профессор

А. А. Иванов

Заведующий кафедрой
истории России, к. и. н., доцент

А. А. Кружалина